

Родился (1942) в д. Рангазар Сармановского р-на Татарской АССР. Работал баянистом, завклубом, художником, электриком, помощником машиниста на каменном карьере... Осваивал нефтяные районы Татарстана, участвовал в строительстве «Оргсинтеза». Служил в береговых частях ВМФ. Окончил Казанский университет, Высшие литературные курсы в Москве. Возглавлял Бюро пропаганды СП РТ и Татарское агентство интеллектуальной собственности РТ. Автор двух десятков книг прозы. Лауреат литературной премии Союза писателей Татарстана им. Г. Исхаки. Член СП СССР с 1972 года

рассказ

Рафик Карим

Голос кукушки

ПО ЛЕСУ шагает одинокий путник. И хотя дорога широкая и утоптана колёсами машин и телег, он шагает по обочине, приминая своими желтоватыми ботинками высохшую траву, опавшие

листья, с треском ломая сухие ветки. При виде его болоньевой куртки и шляпы с узкими полями можно было предположить, что это горожанин, приехавший в деревню в гости. За спиной у него объёмный рюкзак, в руках чемодан. Зеленоватый рюкзак, обливнявший так,

что стал похож на многострадальную солдатскую гимнастёрку, и потрёпанный дорожный чемодан наталкивали на мысль, что человек много путешествовал. Но в его походке не чувствовался присущий путешественникам уверенный и неторопливый шаг. Было видно, что и в лесу он давно не бывал: ветки то и дело хлестали его по лицу, из-под ног с шумом взлетали потревоженные лесные пичужки.

Трудно было разобрать, что лежало в его рюкзаке, но можно было догадаться, что это что-то похожее на небольшую гармонию.

Смуглое худое лицо путника было изборождено морщинами, над глазами нависли густые брови, чуть седоватые большие усы поникли. Если, пытаясь угадать его возраст, взглянуть на почти совершенно седые волосы, виднеющиеся из-под шляпы, и загоревшее на солнце лицо, то ему можно было бы дать и сорок лет, и пятьдесят.

Путник, шагавший всё это время глядя себе под ноги, вдруг поднял голову и внимательно осмотрелся.

Лучи заходящего солнца окрасили верхушки деревьев в жёлтый цвет. Мужчина сделал ещё несколько шагов, но вдруг услышал голос кукушки и остановился. Этот голос, преодолевший немалое расстояние, миновавший бесчисленные стволы деревьев, разлапистые ветви, ещё густые листья, был едва слышен. Но ошибки быть не могло – это был голос кукушки. Вот он: один, два, три...

В лесу путник как раз больше всего и боялся этого. Потому что знал: кукушка будет куковать именно для него. И не потому ли, углубляясь всё дальше в лес, он шёл по обочине лесной дороги так осторожно, прислушиваясь к каждому звуку, что боялся кукушки? Но постепенно его беспокойство поутихло. Он прошагал по лесу уже около двух километров, кукушки не было слышно. И его сжавшиеся было плечи расправились. «Какая кукушка станет куковать в это время года, они же не сумасшедшие», – усмехнулся он про себя, пытаясь успо-

коиться. И всё же ему не было суждено бесечно продолжать свой путь ...

Впереди показался просвет, лес заканчивался. Деревья поредели, стали ниже, наконец, и они остались позади. Голос кукушки тоже остался где-то позади, хотя в ушах путника он звучал ещё долго.

Выйдя из леса и пройдя некоторое расстояние, путник достиг зарослей кустарника. Сюда он в молодости приходил за орехами. Продолжая двигаться вперёд, путник запрокинул голову, пытаясь разглядеть среди широких листьев грозди орехов. Нет, не видно, всё собрали. Ему не осталось ни орешка.

II

Проходя мимо большого кладбища, окружённого аккуратным забором, путник почувствовал, как заныло сердце. Никого из его близких здесь не было – ни отца, сложившего голову на белорусской земле во время войны, ни матери, приехавшей к сыну на одну зиму, оставшейся навсегда и умершей вдали от родной деревни, ни его младшего брата, который во время службы в армии вместе с машиной сорвался в овраг, пытаясь объехать ребёнка, внезапно выбежавшего на дорогу. Путник не знает, какие мысли пронеслись в головах отца и брата перед смертью, возможно, у них и не было времени подумать. И всё же, в последние минуты жизни, наверно, оба вспомнили свой родимый край. Как бы там ни было, сейчас этого уже точно никто не скажет. Мать очень хотела вернуться туда, где покоились её предки. Но сын не смог похоронить её здесь. Он даже не почувствовал, как отлетела её душа, его не было рядом. В тот день после работы, по обыкновению, он задержался возле магазина в бесконечных разговорах с друзьями, пришёл домой поздно, когда глаза матери были уже закрыты навеки. Старушка-татарка, жившая по соседству, тоже приехавшая, как и его мать, пожить к сыну, и постоянно их навещавшая, а в последние дни практически не уходив-

шая от них, сказала с упрёком: «Э-эх, сынок, какой же ты беспечный. Даже в такой день не пришёл домой вовремя». На мёртвом лице матери, казалось, застыл вечный упрёк сыну.

Почти впритык к кладбищу раскинулась небольшая лужайка. Раньше тут проходили вечерние игрища. Путнику почудилось вдруг, что там до сих пор стоит та самая узкая скамейка, на которой он когда-то сидел, растягивая меха гармони и поглядывая искося из-под козырька фуражки на своих приплясывающих ровесников. Но той скамейки давно уже нет. На месте, где собиралась молодёжь, колхоз построил какое-то здание. Рядом торчит ажурная металлическая вышка, похожая на буровую, видимо, артезианский колодец; на её верхушке медленно вращаются на тихом ветру лопасти, похожие на крылья ветряной мельницы. Путник подумал: «Зачем это? Вон там, в ста-ста пятидесяти шагах бьёт полноводный родник». Но увидев позади колодца длинные здания фермы, сообразил: «Всё правильно, это чтобы не обмелел родник...» В нём очень вкусная вода, к этому роднику приходили за водой все деревенские жители, даже те, у кого во дворе был свой колодец. Он помнит, как его мать в городе частенько вздыхала: эх, эта хлорная вода такая невкусная, вот бы хоть раз поехать домой и поставить самовар с нашей родниковой водой. Да, он хорошо это помнит. Теперь, когда его голова стала седой, и он приехал в родную деревню, то кажется, начал понимать состояние матери, со всеми её внутренними терзаниями и невольно передернулся от сожаления, что не смог похоронить её на этом деревенском кладбище.

– Сынок, ты что застыл тут?

Слова были сказаны спокойным мелодичным голосом, и путнику вдруг почудилось, что с ним заговорила мать. Но, подняв голову, он увидел перед собой старушку. В чёрном жакете, белом платке, с круглой меховой шапкой на голове, с кривой палкой в руке, которая казалась длиннее её роста, старушка

с любопытством смотрела на путника, часто моргая подслеповатыми глазами. Затем рукой с набухшими голубыми венами передвинула палку чуть вперёд, вторую руку упёрла тыльной стороной в бок и спросила:

– Сынок, ты тут мимо идёшь или в нашу деревню направляешься?

Путник узнал эту старушку с тёмно-желтоватым лицом, изборождённым морщинами, с янтарными бусами на шее. Её лицо было знакомо путнику с самого детства.

– Тётушка Минлекамал, ты меня не узнаёшь, что ли?

Услышав эти слова, старуха выпрямила свою сгорбленную спину и внимательно уставилась на незнакомое лицо путника снизу вверх, тщетно стараясь вспомнить. Улыбка на лице путника погасла, и в голосе пропала радость от встречи со старым знакомым.

– Я же Нагим. Ваш сосед, – сказал он сухо.

Услышав его имя, старуха, хотя и не признала его до конца, всё же посветлела лицом.

– А, сын Сахибджамал? Э-э, годы идут... – сказала она, покачав головой. – Ты тоже постарел.

Нагиму были неприятны её слова. Но старушке, похоже, не было до этого никакого дела. Позабыв о человеке, стоявшем перед ней, она погрузилась в свои мысли, опёршись обеими руками о свою палку.

– Сахибджамал-то, говорят, перед смертью страдала очень. Ситдик, покойный, жалел свою сестрёнку, умершую на чужбине, и говорил, мол, эх, если бы знал, сам бы привёз и похоронил её здесь.

– Как, Ситдик-абый разве умер?

– Да, он тоже ушёл туда, – сказала старуха, кивнув головой в круглой черной шапке куда-то Нагиму за спину.

Нагим невольно оглянулся и посмотрел на кладбище, на его тополя с неохватными стволами, буйно разросшуюся сирень, шиповник, акацию, могилы с металлическими и деревянными оградками, надмогильные камни...

Постояв ещё немного молча, они, как люди, которым более уже нечего сказать, почти одновременно повернули к деревне. А навстречу им по тропинке, по которой задорные девушки-подростки и сноровистые молодые невестки бегом носят воду, спускалась девушка в коротком светлом плаще, чёрных брюках и в красном платке. И, хотя уже смеркалось, красивое смуглое лицо девушки, брови вразлёт и пухлые розовые губы, лёгкость походки и почти каждое движение гибкого тела показались Нагиму до боли знакомыми. Правда, во времена его юности женщины не носили брюк и туфель на высокой подошве, словно лапти с деревянными чурочками для весеннего половодья, и таких плащей с широким поясом и какими-то излишествами вроде солдатских погон на плечах не носили. И всё же походка и миловидное лицо девушки напомнили ему кого-то из его молодости.

– Старшая дочь Гульнисы, – сказала старуха, увидев, что её спутник остановился и, обо всём позабыв, смотрит вслед спускающейся к роднику девушке. «Старшая дочь Гульнисы? Значит, это моя дочь. Да, она точная копия матери в юности. Но почему старуха называет её старшей дочерью Гульнисы? Почему не говорит: твоя дочь? Неужели не знает? Но как она может не знать? Она же не полоумная, разговаривает вполне разумно».

В этот день в доме Ситдика-абзый, куда приехал Нагим и где хозяином теперь был его младший сын Акмалетдин, до полуночи не стихала суматоха. Чайник, уже давно пришедший на смену медному самовару, беспрестанно кочевал между газовой плитой и столом. Гости угощали яствами, которые раньше попадали на стол деревенских жителей только один-два раза в год, в самые большие праздники, а теперь уже постепенно становились обычной пищей. Он тоже достал из чемодана свои гостинцы, подарки, переоделся. Только гармонь грустно стояла в углу в рюкзаке, тщетно желая выйти на свободу.

Несмотря на усталость после доро-

ги и чудесную пуховую перину, Нагиму сегодня не спалось. Некоторые плохо переносят перемену места. В молодости Нагим тоже был таким. Но за многие годы скитаний на чужбине он избавился от этой привычки: следуя правилу «сон перины не требует», мог заснуть там, где прикорнул (в далёкой сибирской тайге даже просто на кедровых брёвнах, положив под голову лишь брезентовые рукавицы). Но сегодняшняя ночь оказалась мучительной. Ему снились какие-то сны, он бредил, время от времени просыпался, вздрагивая, и часами лежал без сна.

После завтрака Акмалетдин, работавший учителем, засобирился в школу. Шутя предложил гостю:

– Пошли, Нагим-абый, со мной. На мир посмотришь.

Нагим охотно согласился. Было бы неправильно думать, что в родной деревне ему больше некуда идти, кроме дома Акмалетдина. Здесь у него было много дальних родственников. Но ему, много лет прожившему в чужих краях, не подавая о себе вестей, и вдруг в одночасье появившемуся в деревне, не хотелось с самого раннего утра стучаться в двери малознакомых людей. Если с Акмалетдином, это одно дело, а одному... нет. Душа не лежит.

Сегодня первое сентября. На улице полно школьников. Малыши в школьной форме, с рюкзаками за спиной и с букетами в руках, лица серьёзные, торжественные, некоторых ведут за руку родители; те, что постарше, идут самостоятельно, группами, о чём-то оживлённо разговаривают, спорят, а у девушек и длинноволосых парней из восьмых-десятых классов даже в походке чувствуется независимость. Нагиму и интересно, и странно наблюдать всё это. Его представления и о деревне, и о школе, оказывается, остались где-то далеко, на какой-то отметке десяти-пятнадцатилетней давности. «Наверно, у этой молодёжи и мысли другие, по сравнению с тем временем, когда мы росли», – подумал он.

– Здравствуйте! – приветствовал каждый из спешивших мимо них детей.

Нагим знал, что приветствие адресовано учителю Акмалетдину, но чувствовал, что некоторая часть его относится и к нему. Потому что в деревне дети издавна приучены здороваться и интересоваться здоровьем старших, это обычай, который соблюдается даже по отношению к молодому человеку.

Впереди показались трое неторопливо шагающих парней. Если бы сегодня не было первое сентября и у них в руках не было портфелей, то в голову бы не пришло, что это школьники. Потому что все трое были ростом выше Нагима, который считал себя выше среднего, широкоплечими и окончательно сформировавшимися юношами.

– Ребята, опаздываете.

Все трое мгновенно оглянулись на голос учителя и почти одновременно торопливо поздоровались:

– Здравствуйте!

Акмалетдин ответил на приветствие, а Нагим ничего не смог сказать. Потому что один из парней, так же, как вчера и девушка у родника, кого-то ему напомнил. Впрочем, нет, этот напомнил не кого-то другого, а его самого в юности. И хотя Нагим увидел лицо парня мельком, он сразу понял, что этот широкий лоб, чуть выступающие скулы, нос с горбинкой и узкие губы были точной копией его самого – молодого.

– Узнал? – спросил Акмалетдин немного погодя. – Это сын нашей невестки Фагимы.

Нагим чуть не выругался. Ладно, вчерашняя невежественная старуха твердила про «старшую дочь Гульнисы», пусть, на то она и старуха. Но Акмалетдин? Свой же человек, мужик... Но и он – рот до ушей: мол, сын невестки Фагимы...

Акмалетдин, разумеется, не догадывался о чувствах и беспокойных мыслях гостя. Ему и в голову не приходило, что его слова вызывают в Нагиме раздражение. Поэтому, не задумываясь, продолжил:

– Вон идут ученики из соседней шко-

лы, увидишь и дочку нашей невестки Сары.

Нагим резко остановился и посмотрел на Акмалетдина таким выразительным взглядом, что племянник, похоже, только сейчас понял его состояние.

– Ладно, я в школу заходить не буду, – сказал Нагим и, не дожидаясь ответа Акмалетдина, свернул в сторону.

Он долго ходил по деревне. Понимая, что находится в своём родном ауле и примерно зная, кому принадлежит тот или иной дом, он узнавал вроде и школу, и клуб, и магазин, но в то же время не узнавал ничего. Вот напротив него, точно в центре деревни, стоит клуб, который Нагим знал столько, сколько знал себя. Но теперь это не клуб, а Дом культуры, двухэтажный, каменный, нарядный. Рядом с ним двухэтажный кирпичный магазин, внизу – продуктовый, на втором этаже – одежда и обувь. Чуть в стороне школа, до которой Нагим так и не дошёл. Она тоже построена из кирпича, в два этажа. Во дворе школы даже есть своя котельная с высокой металлической трубой. Это уже не та деревня, в которой он родился. И дома не такие, как прежде, – сосновые срубы-пятистенки под железной или шиферной крышей. Раньше таких домов в деревне было всего несколько, и все – оставшиеся от прежних богачей. А теперь в деревне все дома такие, с крепкими надворными постройками, в каждом втором дворе – белая баня. В каком-то завитке мозга пробежала мысль: может, обосноваться здесь? Да, пробежала, но не осталась. Потому что это было невозможно. Люди, которые когда-то любили его, связали с ним свою судьбу, теперь живут с другими и другой жизнью, отчий дом давно принадлежит чужим людям, там ничего не осталось от прежнего хозяйства, так что Нагим многое здесь даже не узнавал. Да и его самого почти никто здесь не помнил...

Когда Нагим вернулся, был уже полдень. У хозяйки были готовы и баня, и обед. Акмалетдин, к тому времени завершивший дела в школе, спросил:

– Дядя, тебе как удобнее? Сначала баня, потом обед или наоборот?

Разумеется, в другое время и он сам, и гость сочли бы более разумным сначала сходить в баню, а потом поесть. Но в этот раз гость, чуть смущаясь, сказал:

– В баню схожу после обеда.

Возвращаясь с прогулки, он заглянул в магазин и купил бутылку водки. Дома он сразу выставил её на стол:

– Если ты не против...

Во время обеда гость вёл себя беспокойно и немного странно. Опрокинув одну за другой три рюмки, он торопливо съел полтарелки супа и вытащил из рюкзака довольно потрёпанную, с лияльными мехами, пятипланочную тальянку. Неторопливо, с каким-то особым удовольствием поставил её себе на колени, плавно закинул ремень на плечо. И... дом наполнился печальной, но полной какой-то внутренней страсти старинной мелодией. Этот дом впервые видел и такого гармониста, и гармонь, издававшую давно позабытые звуки, и хозяев дома, пребывающих в таком восхищении. Казалось, что гармонь и гармонист – не отдельные существа, а одна душа и одно тело. Печаль лилась то ли из мехов гармони, то ли исходила из тоскующего сердца гармониста. Это невозможно было ни спокойно слушать, ни спокойно видеть. А когда Нагим, прищурив глаза, чуть откинув, как в молодости,

голову набок, негромко запел, с Акмалетдином что-то произошло, и из его глаз потекли слёзы. Потому что только Нагим умел так петь эту песню – проникая до самого сердца.

**У озера растёт одинокая берёза,
Я сегодня более одинок,
Чем она.**

Внезапно прекратив петь, Нагим кивнул на гармонь и сказал:

– Акмал, пусть будет память обо мне, отдай её моему... отдай сыну Фагимы.

Потом осторожно поставил гармонь на пол, выпил ещё одну рюмку и, словно спрашивая разрешения, сказал:

– Схожу, пожалуй, в баню.

...Проходя с небольшим дорожным чемоданом в руках мимо родника, Нагим вдруг подумал, что здесь он впервые обнял и поцеловал Гульнису. Приблизившись к месту, где устраивались вечерние игры, вспомнил, как добивался Фагимы, а возле орешника припомнил, с каким трудом он уговорил Сару выйти за него. Мельком взглянул на верхушку кустарника и сразу отвёл взгляд, потому что знал, что всё равно не найдёт там ни одного ореха: все плоды с этих кустов уже давно собрали другие.

Он вошёл в лес, и ему снова показалось, что он слышит голос кукушки. На самом деле никакой кукушки не было, она ему просто слышалась.

*Перевод с татарского
Гаухар Хасановой*

